

Опять же речь идет не о том, в чем действительно была причина всех лишений и несчастий, постигших страну. Но о том, что некоторые, наиболее неприятные для своих идеологических пристрастий варианты ответа социологи исключают, некоторые — смягчают, а некоторые усиливают.

И, надо сказать, в итоге мало что получается.

"Демократической революцией" август 1991 г. считают 10%. 70-летнее правление коммунистов винят лишь 5%. Даже лукавый вопрос про алчную советскую номенклатуру набирает лишь 20%.

А Горбачев с Ельциным — все равно впереди с 59% возлагающих вину исключительно на них.

The article deals with the problem of question wording in opinion polls, concentrating on slanted questions, that influence opinions and not only measure them. The author believes that questions on the August 1991 putch are examples of such approach.

Н.П. Попов КАК СПРОСИТЬ ПРО ПУТЧ

Статья С. Черняховского затрагивает целый ряд проблем — оценку событий августа 1991 г., "закончившихся захватом власти в стране Ельциным и его окружением", интерпретацию тех событий нынешней властью и официальными СМИ и отношение к событиям шестнадцатилетней давности общественного мнения сегодня. Оставляя в стороне политические оценки автора "событий августа 1991 года", данная заметка рассматривает критику автора постановки вопросов в прошлых и нынешних опросах по поводу августа 1991 г.

Прежде всего автор отмечает, что из года в год снижаются как симпатии, так и антипатии к обеим сторонам конфликта: если в 2001 г., по приводимым данным Левада-центра, 14% говорили, что они были "тогда" на стороне ГКЧП, то сейчас таких лишь 8%; в 2001 г. вспомнили, что "тогда" они были "за Ельцина" 28%, сегодня — 21%. В сумме "тех, кто четко определяет свою позицию по данному вопросу" лишь около четверти. Отталкиваясь от этого печального факта, автор анализирует причины того, почему в обществе не удастся выработать определенную позицию по тем, столь важным для страны событиям.

По его мнению, снижение симпатий как к ГКЧП, так и к сторонникам Ельцина вызвано непониманием того, за что, собственно, боролись те и другие, тем, что официальная пропаганда и политики не дали внятного объяснения тем событиям, не подсказали, кто же тогда был за демократию, за сохранение страны. И в немаловажной степени к непониманию населением тех событий приводят тенденциозно поставленные вопросы.

Здесь следует отметить прежде всего, что за последнее десятилетие происходит неуклонная деполитизация массового сознания, снижение интереса к политике и намерения как-то участвовать в политической жизни, в частности, в голосовании на выборах. Народу неинтересны нынешние политические события — почему меняют премьеров и губернаторов или какая партия победит на выборах в Думу, а уж тем более неинтересны события политического прошлого — что августа 1991 г., что октября 2003 г. или вообще октября 1917 г. В условиях растущего политического отчуждения населения люди не видят связи политики, кото-

рая делается в Москве с их каждодневной жизнью, проблемами и заботами. Тем более, когда их просят оценить в опросах события политического прошлого. Так что это еще хорошо, что четверть народа берется как-то оценивать события шестнадцатилетней давности и при этом выдерживает последовательность оценок — сторонников Ельцина стабильно в два раза больше, чем сторонников ГКПЧ; то же соотношение и в опросах ВЦИОМ последних лет.

К слову сказать, и тогда в августе 1991-го лишь треть населения как-то оценивало события в Москве, а две трети не понимали, что происходит. В самой Москве десятки тысяч строили баррикады и перегораживали улицы, а еще больше москвичей и гостей столицы занималось шопингом и с любопытством следило за разворачивающимся политическим спектаклем — кто же из них победит.

Буржуазная контрреволюция?

Под этим же углом зрения — политической неангажированности, политического отчуждения, отсутствия интереса к политике следует рассматривать и вопросы анкет с оценкой тех событий. Наибольшие возражения автора статьи вызывает формулировка вопроса и вариантов ответов на него: "Как Вы сейчас оцениваете события августа 1991 г.?" Главная претензия именно к ответам — в них, по мнению автора, не хватает антиельцинской альтернативы. Во-первых, он считает, что и проельцинская альтернатива неправильно, тенденциозно сформулирована. Как это, в одном предложении и "победа демократической революции", и "свержение власти КПСС"? "Считает респондент это демократической революцией, или считает ли он это свержением КПСС?"

Здесь следует сказать, что, в принципе, формулировки вопросов, возможных точек зрения в опросах общественного мнения это дело социологов — организаторов опроса. Они берут на себя ответственность заявить — это существующие в обществе взгляды и суждения, мы беремся лишь определить распространенность этих взглядов, столько-то процентов думают так, а столько-то иначе. Нюансы этих суждений, их эмоциональная окраска меняются довольно быстро, так что принципиально та же по смыслу оценка спустя год или два после важного события может заметно отличаться от той, какой она была во время события или сразу после него. В данном случае в цитируемом отчете Левада-центра приводятся результаты опросов с 1994 г., в которых повторяется тот же вопрос, который задавался и вскоре после путча. И тогда типичная точка зрения была: "Власть КПСС ликвидирована, это и есть победа демократической революции".

С. Черняховского не устраивает то, что среди вариантов ответов не было более жесткой антиельцинской оценки, например, что это была "буржуазная контрреволюция, действительно свергнувшая КПСС, осуществлявшую истинно народную и демократическую власть". Но так нельзя было спрашивать. В общественном мнении Ельцин был ничуть не более "буржуазен", чем Горбачев. Оба были партийными реформаторами, один выступал за гласность в партии, другой боролся с привилегиями в партии, и оба воспринимались как сторонники "социализма с человеческим лицом". И потом, контрреволюция кого? Старая буржуазия разгромлена, новая еще не народилась. Кроме того, если этот вариант ответа автором предполагается как антипод первому, проельцинскому — о "демократической революции, покончившей с властью КПСС", то этот вариант должен быть симметрично, нейтрально построен и не содержать декларативных восхвалений КПСС, подталкивающих респондентов к положительному ответу, — "Да, это ельцинские контрреволюционеры свергли народную и демократическую власть".

Другой вариант оценки событий, предлагаемый автором статьи, это то, что августовская драма была "путчем Ельцина", во время которого "группа мятежников во главе с Ельциным организовала вооруженное противодействие попыткам руководства СССР предупредить грозившую обществу катастрофу, свергла законную власть и ускорила наступление данной катастрофы". Такой вариант ответа нельзя было предлагать респондентам ни тогда, ни сейчас. Это явная наводка ответа. Ельцин только что победил на выборах Президента России, выигрывал политическое противоборство с Горбачевым — зачем ему путч? По всем оценкам, его противодействие ГКЧП было вынужденной обороной, переворот застал его врасплох. Той точки зрения, что это он все затеял, не было и в помине в массовом обиходе и предлагать ее в опросе означало придавать ей легитимность, извлекать несуществующую поддержку придуманному мнению. И натянутой выглядит трактовка, что ГКЧП, "руководство СССР" пытались таким странным образом, отправив действующего президента "в запас", "предупредить грозившую обществу катастрофу". А что, нельзя было нормальным путем, не изолируя Горбачева в Форосе или даже не играя в эту изоляцию, бороться с этой катастрофой?

Зачем был путч?

Несмотря на то, что прошло столько времени после тех событий и написаны десятки книг, народу не стало яснее, кто и зачем затевал этот странный "захват власти" у самих себя. Не получается дать простую и понятную альтернативу в вопросе, в противовес одобрению Ельцина, как, например: "Это была неудавшаяся попытка истинных ленинцев восстановить в стране советскую власть и руководящую роль КПСС". Не похожи на ленинцев лидеры ГКЧП, и им самим было неизвестно, чего они хотели. Горбачев затеял перестройку, чтобы уйти от диктатуры партии, чего же теперь ее восстанавливать.

Смутное было время и рождало оно смутные вопросы и смутные ответы.

Более понятна людям точка зрения, что это был "просто эпизод борьбы за власть в высшем руководстве страны", и большинство респондентов стабильно выбирают именно этот ответ. Конечно он, скорее всего, прикрывает также непонимание того, что там в действительности произошло, так же как и вариант ответа, который дают четверть респондентов, — "трагические события, имевшие губительные последствия для страны и народа".

Но из всего этого никак не следует тезис автора, что рушится миф о "злодеях-гэкачепистах" и "благородных борцах за свободу и демократию" и предание о "демократической революции 1991 г.", якобы насаждаемые "либералами" и "либеральными" социологами. Действительно, верят в то, что это была "победа демократической революции", лишь 10%, но тем не менее противников ГКЧП поддерживают в два раз больше — 17–21%, а самих гэкачепистов — лишь 8%. Остальные три четверти населения никого не поддерживают, к сожалению, им безразлично, кто тогда победил, как, впрочем, безразлично и сейчас — см. выше.

Последние вопросы, которые анализирует автор статьи, касаются жизни страны после путча. Относительное большинство сегодня — 37% — считают, что страна идет "в неправильном направлении", 28% — что "в правильном", остальные затрудняются дать ответ. Разбирая дальше варианты ответов на вопрос, из-за чего страна пошла в неправильном направлении, автор упрекает составителей анкеты в чрезмерно эмоциональной нагрузке, тенденциозности варианта

"алчность советской номенклатуры, стремившейся прикарманить богатства России" — почему не "алчность олигархов", не "алчность "новых русских", не "алчность буржуазии"? Пожалуй, здесь он прав — чрезмерно эмоционально нагруженная формулировка, таких слов следует избегать в формулировках вопросов. Или уж тогда всем приставлять этот эпитет — "алчное правление коммунистов", "алчная политика Горбачева", "ошибки Ельцина и его алчного окружения". Народ тем не менее не пошел целиком на поводу этой эмоциональной формулировки и выбрал этот вариант лишь третьим, а главными виновниками назвал — Горбачева и Ельцина. А с другой стороны, "алчные олигархи" и те, кто "на деле грабил страну", — это и есть бывшая советская номенклатура, партийная и комсомольская, которая пересела из обкомовских кресел в правления корпораций и кабинеты демчиновников. Возможно, поэтому 20% в неправильном пути России виновны советскую номенклатуру и лишь 5% — "70-летнее правление коммунистов".

Вообще, обсуждение результатов опросов общественного мнения, в том числе и формулировок задаваемых там вопросов — исключительно полезная вещь. Действительно, от того, какими словами и выражениями написан вопрос и варианты ответов, часто зависят ответы людей, выбор той или иной альтернативы. Такие обсуждения помогают социологам так формулировать вопросы, чтобы они одинаково понимались как участниками опросов, так и теми, кто потом будет изучать и анализировать их результаты.

The author argues with the previous article, analyzing different variants of questions on the patch issue.